

О ВЕРЕ И РЕФОРМАЦИИ

Записки протестанта

ВЫРОС Я В ХРИСТИАНСКОЙ СЕМЬЕ, ГДЕ О ВЕРЕ в Бога говорили каждый день, читали Библию и молились, и это было буднично, естественно и, казалось, не может быть по-другому. Однажды я спросил у родителей, почему у нас в доме нет икон, а у одноклассника есть своя личная иконка и ему разрешают зажигать перед ней толстую свечу в стакане. И почему, когда он говорит о Боге, то становится, как дошкольник – начинает рассказывать истории похожие на сказки, со страхом понижая голос и расширяя глаза? А еще, почему, когда он выходит на улицу, то сквернословит и обманывает. Я вырос и начал открывать мир других людей, не похожих на меня. И хотя внешне мы были дети как дети, но внутренний мир сверстников удивлял меня своей непохожестью. Почему, слушая их, нужно было заставлять себя верить в эти странные сказочные истории только отдаленно похожие на библейские? А мне не верилось, и это очень меня смущало. Я заставлял себя верить, и почти верил, но появлялось неприятное чувство насилия над собой. Я внутренне протестовал – я ведь тоже верующий, но моя вера гармонирует с жизнью, она в этом мире, по эту сторону разума и не конфликтует с реальностью. Может быть, думал я, эта атмосфера страха

Портрет Мартина Лютера
 (Лукас Кранах. рисунок, ок. 1532).

и таинственности и есть вера, и, входя в эту атмосферу, нужно отказаться от разума и верить «святым» историям, и в этом выражается почтение Богу? Может быть, я неправильно верую? Их вот — целая улица, а я один? А мне так не хотелось отличаться от других, а быть как все. Но моя вера, и атмосфера семьи, в которой я рос, уже сформировали внутри некий стержень, который заставлял меня быть самим собою.

Я — протестант!

◆ По факту своего рождения среди определенного народа, в определенной стране, мои родители и я должны бы быть православными или, как вариант, — греко-католиками. Атеизм не рассматривался — мы и наши предки были людьми верующими. И вдруг, удивительное открытие: я — протестант!

^[1] «Тучи над Борском» — художественный фильм на антирелигиозную тему режиссёра Василия Ордынского, снятый в 1960 году и ставший одним из инструментов хрущёвской антирелигиозной кампании.

Впервые я услышал это слово от родителей, когда мне было двенадцать лет. Мне тогда объяснили, что я — протестант, и почему моя вера в Бога отличается от веры моих ровесников. Как мне нравилось это слово! Я не какой-то темный сектант. Я — протестант!

В моем детском сознании, нуждающимся в героях и идеалах, героями становились не бесстрашные воины, бросающие гранаты под немецкие танки, и не люди с твердыми мускулами, а люди с твердой волей, верой и убеждениями. Как-то в районной библиотеке, в энциклопедии я нашел статью «Протестантизм». Помню, что мне не понравился портрет Лютера, где он был изображен в странном берете и совсем не подходил под образ героя-протестанта, созданного моим воображением. А вот портрет Яна Гуса, о котором я уже знал по одноименной поэме Тараса Шевченко, и портрет Жана Кальвина очень нравились. «Какие благородные, ученые лица!» — думал я. Их образы вытесняли из памяти тягостные впечатления от фильма «Тучи над Борском»,^[1] на который водили всю школу: «Последних уроков не будет. Будет бесплатное кино. Ура!». Но принять Лютера и проникнуться его идеями помог мне автор какой-то атеистической книги, в которой он довольно подробно объяснял историю Реформации. Там я прочитал о том, как Лютер смело выступил против злоупотреблений в церкви, о суде над Лютером и его знаменитом выступлении на Вормском рейхстаге, где он под угрозой ареста и даже смерти не отрекся от своего учения и своих книг. Лютер смело говорил о своих убеждениях, основанных на Священном Писании, о необходимости ясных доводов разума при поиске истины, о важности совести и

особенно мне запомнилось его знаменитое заявление: «На сем стою и не могу иначе. Бог да поможет мне. Аминь». Это поражало мое детское воображение и окрыляло мой дух, подводило меня к пониманию силы веры и силы духа. Оказывается, духовные убеждения могут быть непоколебимыми и твердыми, как камень. Оказывается, есть нечто более важное, чем жизнь и смерть. Это было открытием нового мира! Оно зажигало огонь в сердце и обращало взор к совести. И теперь от этого невозможно было уйти. Когда я прочитал эти слова, быстро нашел знакомый портрет Лютера. Всмотрелся другими глазами в это простое скуластое, но замечательное лицо, спокойный и разумный взгляд, волевою форму сжатых губ, — какая внутренняя сила! Художник Лукас Кранах-старший, который был другом Лютера, сумел увидеть и выразить невыразимое — дух Божьего человека, человека от вечности, земного как есть со всей земностью, но отражающий глубины и высоты неземные. Такой человек мог сказать: «На сем стою и не могу иначе». Все переменилось в моем восприятии этого портрета — с того времени всегда ищу в лицах людей эту внутреннюю красоту и гармонию. Лев Толстой утверждал, что красивое то лицо, на котором отображается внутренняя духовная работа. Лучшей иллюстрации к этим словам не найти.

Однажды на уроке в классе, в ответ на очередные шутки учительницы и намеки на мою сектантскую отсталость, воодушевленный примером реформаторов, я смело возразил, что я не сектант. Класс замер, а у учительницы аж глаза загорелись: «Неужели сработала наша пропаганда?». А я, выдержав паузу, твердо заявил: «Я — протес-

тант!» Классная комната не была Вормским рейстагом, но тень Лютера стояла рядом. Удивленные лица всего класса, как по команде, повернулись от меня к учительнице: что ответит она? И ей пришлось объяснять, что означает это непривычное слово, и историю, связанную с его происхождением. Как она не старалась принизить событие Реформации — все было в мою пользу. Некоторые одноклассники даже завидовали мне из-за такого сильного «революционного» слова, с которым теперь отождествляли меня. Но это был последний мой «диспут» — стало не интересно защищаться, что-то доводить сверстникам, учителям. Я вдруг обнаружил ценность того, чем обладал. Мои мысли начали обращаться к внутреннему миру и я открыл целый космос внутри себя. Стала интересна не просто вера, а вера, действующая во мне, ее преобразующее влияние на мой внутренний мир. А внешний мир, воспринимаемый с того времени через призму веры, казался освещенным особым светом, в котором стали видны мельчайшие детали окружающей жизни в ее подчинении, или не подчинении этому сильному утверждению: «На сем стою и не могу иначе!». Это выражение являло человека свободного от всякой несвободы, от страхов, чужих мнений и влияний и, в то же время, добровольно подчинившего свою совесть под единственную достойную человека «несвободу» — власть Господа. Тогда созрели во мне другие вопросы и я погрузился в чтение и поиски, выискивая истину во всей доступной мне литературе и не только литературе. Готовясь к будущей борьбе за Божью истину (а иначе мы не представляли себе наше будущее), я иногда воображал себя то Лютером, одиноко стоявшим перед противни-

ками на Вормсском рейхстаге, то Яном Гусом, привязанным к столпу посреди площади в Констанце. Я – протестант!

Мы – протестанты!

◆ Наш народ, отсеченный от Запада известными событиями 1917 года, подвергся в XX веке двум влияниям: государственному атеизму сверху и языческому мировоззрению снизу. Но для жителей Западной Украины, где мы жили, этот период трансформации человеческих душ был относительно коротким, и безбожная идеология коммунистов не успела окончательно уничтожить ориентацию на истинные ценности, хотя на практике это не всегда соблюдалось. Отношение к жизни, к труду, отношение между людьми и самоуважение у жителей Западной Украины сформировалось в условиях протестантской культуры тогдашней Европы. Мои родители, исповедующие наследие Реформации, старались, чтобы мы усваивали мудрость из Божьего Слова. Библия была нашим учебником жизни: слушать, проверять, сравнивать разные мнения, и только потом делать выводы. С этим мы выросли и не думали, что правда может быть найдена как-то иначе, без расследования и размышления. И возникала мысль: народ, который из поколения в поколение, на протяжении более двух тысяч лет воспринимал мудрость из Библии, будет ли он отличаться от других народов? Без сомнения – да, в лучшую сторону.

Сегодня Библия доступна всем, в любых переводах и на любых носителях, но – закрыта неверием. Сколько раз нужно наткнуться на собственные ошибки и грехи, чтобы захотеть Божьей чистоты и небесного света? Какое самое ценное сокровище, даро-

ванное людям, менее всего ценится ими? К большому сожалению, ответ – Библия!

В нашем доме была Библия, и мы все читали ее. Также родители поощряли нас читать другую литературу, но делиться с ними о прочитанном. Обычно это была русская и зарубежная классика. Но попадались, естественно, и советские писатели – куда от них деться в то время. Однако уже в детском возрасте мы умели относиться к такой литературе с осторожностью, с поправкой на то, что ее писали неверующие в Бога люди. Этому никто нас не учил, просто Библия сформировала в нашем сознании духовный стандарт. И когда в такой литературе мы встречались с безбожными мыслями или описанием греховных поступков, загорался внутренний сигнал – опасно! Мы переживали досаду от «порчи» текста и обходили эти места, как лужи на дороге. Нельзя было не читать, но и неразумно было верить всему написанному – по поводу каждой книги нужно было думать. Тогда мы узнали «страшную тайну», что взрослые не всегда умные. В детском сознании оставалось только сожаление об авторах этих книг и детская уверенность, что правда Божия победит их заблуждения, и они уверуют в Бога. «Они просто Библию не читали», – думали мы. И еще была маленькая отдушина, в которую очень хотелось верить. И я верил, что большинство этих авторов, творцов мирской культуры, на самом деле в Бога веруют (ну как можно не верить в Бога!), но почему-то скрывают свою веру. Как хорошо, что этот «благочестивый» самообман не прижился в моем сознании, иначе и я сам захотел бы иногда быть таким тайным христианином. Помню объяснение моей

мамы: у неверующих людей есть причина не верить — страх перед Богом за свою жизнь нехорошую. Это было важное открытие мира взрослых: оказывается, они живут в страхе, из-за которого обманывают самих себя.

«Какие люди разные внутри, — думали мы. У верующих вера помогает удаляться от греха, а у неверующих — наоборот: грех в жизни уничтожает в них веру». Мы выросли протестантами.

Государство выпускало массовыми тиражами атеистическую литературу, которая пылилась в «Красных уголках» и на полках библиотек. Некоторые люди читали ее с болезненным интересом, чтобы оправдать свое неверие, находясь на духовном пепелище. У них еще тлели остатки веры, еще беспокоила совесть. Но обратиться к Богу не было сил. Поэтому ломали совесть, гнули ее «по жизни», стараясь окончательно обмануть себя и успокоиться. Для такой цели подходила такая литература и, наверное, для этого и печаталась. Но главной силой для уничтожения веры в народе была не пропаганда атеизма, она была только катализатором того, что уже назрело в умах большинства. Главной разрушительной силой было лишение людей Божьего Слова — Библии. Отстраненный от жизнеутверждающего и обновляющего влияния Божьего Слова человек, влекомый своим греховным естеством, неизбежно скатывался в безверие и язычество. В нашей семье учили беречь и ценить Библию, как наибольшую ценность.

Атеистическую литературу читали также и верующие люди, но с совсем иной целью. В стране тоталитарной идеологии, где государственная власть строго следила, что читают её подданные, — только в этой литерату-

ре, при правильном чтении, можно было найти исторические материалы о религии, цитаты богословов, выдержки из церковных документов. У авторов атеистической литературы глубина мысли и полемическая острота были не на высоте из-за полного отсутствия оппонентов — альтернативная духовная жизнь была загнана в подполье. Они просто критиковали, высмеивали, извращали смысл, лукавили, иногда лгали. Но мы давали свою оценку, противоположную замыслу автора. И это было не чтением «между строк», когда стараешься понять через текст чувства и мотивацию автора. Наше чтение было намного труднее — это был кропотливый поиск информации, обратной замыслу автора и смыслу текста. Это была не только интеллектуальная борьба за правду, на самом деле это была духовная борьба за животворное Слово, без которого томилась и болела душа.

Такая ситуация сложилась не при советской системе. Она возникает всегда в любой системе, когда государство подавляет истину и оправдывает грех, используя для этого свои возможности. В такое смутное время, на первый взгляд, Бог будет казаться людям «обманчивым источником, неверною водою», и людям трудно будет находить аргументы для защиты своей веры и надежды. На подобную ситуацию жаловался пророк Иеремия еще за шестьсот лет до рождения Христа. На что Бог дал ему изумительный ответ, годный на все времена: обратиться за помощью к Богу и начать искать. Цель поиска — «извлечь драгоценное из ничтожного, тогда», — продолжает Бог, — «будешь как Мои уста» (Иер. 15:19). Поиск Истины, скрытой и извращенной грехом, был для нас, как религиозное действие. До

сих пор самой большой ценностью в моей библиотеке является толстая общая тетрадь за 44 советских копейки. В ней почти печатными буквами переписан из дореволюционного издания целый роман о жизни первых христиан. Этот огромный труд проделал неизвестный христианин в шестидесятые годы прошлого века.^[2] Тетрадь потерянная, подклеенная, прошла через много рук — ее читали. Мы знали, что такое духовный голод. Мы выросли протестантами.

Как внезапно распахнутая дверь из темноты в свет дня, такое яркое и радостное чувство переживали мы, когда среди кучи даже не интеллектуального хлама, а сознательно выстроенной противниками Бога баррикады из искаженной информации, удавалось обнаружить живую мысль. Мы выписывали цитаты, обменивались дорогими находками, хранили книги ради одного абзаца. Найдки эти резонировали с настроением души, вызывали новые мысли, которые расширяли наши горизонты, поднимали нас, детей, над пропастью сползания в недоверие ко всему миру, в сектантскую замкнутость. Мы верили нашей детской, святой и, возможно, наивной верой в потенциал разумности человека, верили, что неверие — это временно, что истина всегда победит заблуждения.

^[2] В то смутное время антирелигиозной пропаганды и гонений на христиан, когда запрещали издавать духовную литературу, верующие испытывали сильный духовный голод и вынуждены были переписывать от руки и перепечатывать на обычных печатных машинках христианские тексты — псалмы, проповеди, свидетельства, стихи и даже целые книги. И, как правило, владельцы этих рукописей и тетрадей не подписывали их, не указывали своих имен и адресов, чтобы обезопасить себя и членов церкви. За распространение духовной литературы могли «дать статью и срок».

Мы были убеждены, что вера и мудрость всегда вместе, против обмана, заблуждений и глупости и, даже не допускали, что против Бога могут быть разумные аргументы. «Вот поумнеют, — думали мы о неверующих, — и обратятся к Богу». Я помню это чувство сожаления и даже жалости к незнающему Бога взрослому. Бог ограждал нас от нелюбви к неверующим, и от не меньшей опасности — особенной любви и гордости собою, верующими. Мы были строго научены родителями, что сами-то мы спасены только благодатью. Мы выросли протестантами.

Наш поиск и восприятие ценной духовной информации в атеистической литературе и особенное умение читать ее (т.е. читать и понимать текст в обратном смысле) были уникальными, возможно, не имеющими аналогов. Главным инструментом добывания ценных сведений из искаженной неверующими авторами информации, было умение ставить к ней два вопроса. Эти вопросы были интуитивно найдены и выработаны нами от столкновения противоположностей. С одной стороны, у нас было естественное желание познавать мир через чтение, но, с другой стороны, мы не желали принимать такое знание о мире, в котором отсутствовал разумный Создатель. Поэтому в начале чтения мы ставили два вопроса: «кто автор?», и старались узнать больше о нем, о его мировоззрении; и второй вопрос: «почему он это написал? С какой целью?», и только потом сосредотачивались на том «что и как он написал». Конечно, для нас самой главной и авторитетной книгой была Библия, которая давала цельную картину мира и учила распознавать, что есть добро и что — зло. Это знание защищало наш детский ум

от смешивания веры и знания с мифами и легендами. Такое смешивание я замечал, когда мои сверстники при разговоре о религии, внезапно как бы погружались в странный мир мистики и страха. Только позже, наблюдая похожее явление в жизни своих земляков, я понял, что этот мистический страх перед потусторонним — не искорененные атавизмы язычества невозрожденных Христом душ. Наш особый подход с вопросами «кто?» и «почему?» мы использовали не только при чтении атеистических книг, но также при просмотре фильмов, передач и других произведений советской культуры. Это спасало нас от бесполезной траты времени и оглупления. Мы на практике познавали принцип «Sola scriptura» — главное основание в учении Реформации. Мы были протестанты!

«Sola scriptura»

◆ Особое «протестантское» критическое мышление и восприятие информации и сегодня спасает меня от новостей со всех сторон и со всех источников, содержащих беспрецедентное количество лжи и духовного яда. Причем лжи не стыдливой, вынужденной, доморощенной. А лжи сознательной, официальной, государственной, «усиленной» наукой и «облагороженной» культурой, красиво приготовленной и поданой будто бы с заботой и любовью к людям. Современные пропагандисты и атеисты научены вызывать в подсознании своих жертв всевозможные страхи. Простой доморощенный метод: чтобы обмануть, сначала надо запугать. Они соединяют страхи с предлагаемой лживой информацией, которая «загоняется» в сознание слушателей этими страхами. Когда человек соприкасает-

ся с такой информацией, соединенной со страхом, — критическое мышление отключается и он становится жертвой манипуляторов сознания и духовных насильников. И только потому, что духовный мир с точки зрения материалистической науки о человеке является вторичным, как порождение материального мира, этих обманщиков не считают преступниками.

Сегодня умение сберечь свою душу от этой глобальной лжи последнего времени становится главным инструментом выживания. Продолжается гигантская глобальная борьба за души людей и она, по утверждению Библии, будет до конца мира. Более того, эта борьба будет только усиливаться и расширяться, иногда перерастая в классические войны. Без Божьего света — мир обречен. Такова реальность нынешнего дня, с которой согласны общественные деятели, ученые, писатели, философы и богословы. Но политики не говорят об этом народу, удерживая его в летаргическом сне видимости благополучия. А те люди, которые осознают ситуацию, но не нашли Бога, «ощущают леденящий ужас покинутости» (К. Ясперс) и поэтому отказываются от этого мира: уходят в мир виртуальной реальности, наркотических грез, выискивая и лелея все, что помогает им забыть от мучительного чувства бессмысленности. Жизнь без Бога отрицает саму себя.

Бог наделил человека величайшим даром — умением творить. Но научиться замечать разницу между истинной Библией и человеческими творениями, даже гениальными, отражающими высочайшее мастерство и талант — мы были обязаны. Это умение заключалось в наблюдении, как

прочитанное, услышанное или увиденное отображалось в нас. Мы различали влияние человеческих произведений от чувства «иного» — действия Божьего Духа на душу. И это очень ясно чувствовалось в детстве. Разница была в том, что высокие взлеты человеческого духа, отраженные в прекрасных произведениях, волновали, приносили эстетическое удоволь-

Честертон писал, что со времен Нового Завета в мировой литературе есть только два сюжета: Одиссей, ищущий «золотое руно», и Христос, несущий свой крест на Голгофу.

ствие, расширяли и углубляли чувства, но Библия — согревала и кормила душу. А без этого душа погибала. Библия, в которой открывался Бог, наполняла жизнь высоким смыслом, делала ее полноценной. А все что от человека, отражало прекрасное, подобно как лунный свет отражает солнечный, — в его холодном свете можно находить талантливые творения и наслаждаться им, но сам свет не согревает, а только напоминает о существовании света истинного — Бога.

Наша проблема заключалась в том, что существует много восхитительных произведений литературы, живописи, музыки, созданных неверующими людьми, и как раз с ними мы чаще всего встречались. Среди множества произведений соцреализма мы искали «драгоценное среди ничтожного». И когда мы находили что-то достойное внимания, но их творцы были людьми неверующими, возникал вопрос — как

нам относиться к этим произведениям? Как относиться к авторам? На чей стороне они, творящие шедевры, и на чей стороне мы, когда наслаждаемся этими творениями? С детским максимализмом мы судили обо всем, и хотелось ясности в этих вопросах.

Как мы решали с помощью родителей эти вопросы? Душа каждого человека старается заявить о своем существовании поэтическим созвучием слов, в мелодии звуков, в гармонии форм и красок. Это ее естественная потребность отражать своего Создателя, и через талант человека это осуществляется. А если автор неверующий? Несмотря на то, что душа такого человека отравлена безбожной идеологией, стеснена грехом и обессилена от духовного голода, но отдаваясь таланту, ей удается прорваться через эгоистические и греховные напластования к свету и открыть людям духовную составляющую мира. Если автор в творческом порыве отрывался от своего секулярного мировоззрения и безраздельно отдавался таланту, появлялись гениальные произведения, которые помимо воли автора открывают истинного Творца прекрасного. Такое свойство произведения — главный признак таланта его автора. Талантливый человек, отдавшись вдохновению Свыше, таланту, создаст шедевр, наслаждаться которым будут и верующие, и неверующие. Потому что талант — это отражение в человеке творческой силы Бога. Настоящее искусство всегда духовное и объединяет людей.

Итак, все то, что приближало нас к Богу — мы принимали, а все то, что вводило в сторону от прямого следования за Господом — отбрасывали. Это общий закон отбора безопасной пищи для души. С тех пор прошло

много лет, но объяснение и метод, найденные в детстве, не утратили своей правоты и сегодня.

Честертон писал, что со времен Нового Завета в мировой литературе есть только два сюжета: Одиссей, ищущий «золотое руно», и Христос, несущий свой крест на Голгофу. Мы учились правильно проводить эту границу, разделяющую искусство на созидательное, отражающее борьбу падшего человека за божественную жизнь, и его поиски духовного смысла жизни; и – искусство развлекательное, уводящее от духовных вопросов и отражающее греховную суету материального мира и поиски героями произведений удобного места под солнцем. Мы были защищены от лжи, прежде всего Словом Божиим, которое формировало нашу веру и мировоззрение. Христианское мировоззрение помогало открывать и видеть «драгоценное среди ничтожного», наслаждаться им, но также и защищало от обольщения нехристианской культурой.

Позже, когда я узнал о пяти основаниях Реформации, то понял, что это я знал давно, только не мог так кратко и ясно выразить.

1. Осознавая поврежденность сердца и ума человека грехом, и опасность опираться на человеческие учения, какими бы они не были желанными и казались умными, верую, что спасительная истина, данная людям Богом, находится в Священном Писании – в Библии. Поэтому, я открыт для всякой информации, но оцениваю ее исходя не из самой информации, тем более – от чувств, вызванных ею, а только на том основании, отражает ли она библейское видение и объяснение мира, и помогает ли мне она стоять

и утверждаться в истине Слова.

Поэтому только Писание содержит и открывает Истину.

2. Ничто извне не может соединить меня с Богом. Только личная вера, основанная на Слове, которое открывает мне Спасителя. Эта вера оправдывает и спасает меня. А доброты, любовь и их практическое воплощение в добрых делах, являются потребностью спасенной и пробужденной к жизни души, а не условием спасения. Поэтому для меня ясен лозунг Реформации – **«оправдание принимается только верой»**.
3. Благодать только от Бога. Спасение человека, как «благое даяние», настолько отличается от греховного мира, где царствует смерть, что его источником может быть только Бог, Творец и Хранитель жизни. Человек, даже всю жизнь занимаясь жертвенным подвижничеством, не может заслужить у Бога благодати, потому что он никогда не может быть свободным от себя – даже в стремлении угодить Богу и желании спастись, присутствует эгоизм. Поэтому, **только благодать от Бога является спасительной рукой, протянутой к человеку**.
4. Человека и Бога разделяет грех. Осознавая бессилие спастись самому и принимая верой Божий дар – Иисуса Христа и Его заместительную смерть за меня – и защищая себя от субъективного человеческого мнения, радуюсь, что «един Бог, един и посредник между Богом и людьми, человек Иисус Христос» – мой Спаситель. Воскресение Христа, «первенца из умерших», – ответ на все чаяния человечества. Верой в Него мы спасаемся, и через

Него Бог принимает и нас. Поэтому утверждаю, что **только Христос — мой путь к Богу и спасению.**

5. Осознавая Божью любовь ко мне, грешнику, смерть Христа на Голгофе за меня, грешника и, вкушая радость спасения и предвкушая вечное блаженство с Господом на небе — **только Богу и только Ему возношу всю славу.**

Итак, я — протестант! Я протестую против блуждания человеческой души во мраке ложных надежд и самоправедности, в то время, когда людям дан свет Слова Божьего. Я — евангельский христианин! И поэтому я утверждаю жизнь и спасение, основанные на Священном Писании, водительстве и возрождающей силе Духа Святого. Я принадлежу к народу, который поддался искушению жить без Бога, и в результате потерпел катастрофу во всех сферах жизни. Но я — верую в Бога! И потому верю, что евангельское учение в его правильном и практическом понимании и исполнении будет востребовано как всякой отдельной душой, так и всем мятущимся и растерянным миром XXI века. «Христианство только начинается» — утверждал Александр Мень.^[3] Уверен, что он имел в виду весь мир, но в первую очередь, наш славянский народ.

Василий и его протестантская вера

◆ Существует мнение, что протестантская вера привнесена в украинскую культуру извне и чужда нам, славянам. Так рассуждают те, кто не пережил духовного рождения свыше — личной встречи с Христом — и судит о

протестантской вере только со стороны. В ответ на подобные утверждения расскажу о брате Василии, с которым я познакомился в сельской церкви спустя год после того как он пришел туда. До этого он никогда не читал Библию и никогда не был в евангельской церкви, но это был уже духовно зрелый, рожденный свыше христианин и он уже тогда проповедовал и молился на служениях. При этом его проповедь была не похожа на привычные проповеди, ее невозможно было не слушать и не сокрушаться от благодати и ясности смысла. А его молитва — это был искренний разговор с Богом. Запомнилась его простота, ясность мысли и отсутствие штампов.

О себе брат Василий рассказал, что он всегда любил природу, читал об этом книги и не мог не думать о Творце этой красоты. Материалистическое объяснение отбросил из-за его наивности. Он работал в колхозе трактористом.

«Иногда пашу целую ночь, а на рассвете остановлю трактор в конце поля, выйду из гремучей машины и не могу надышаться и нарадоваться от красоты мира. Всей душой принимаю и приветствую начавшийся день, синее небо, невидимого жаворонка над головой, и радостно мне, усталости не чувствуешь и, кажется, позови кто-нибудь оттуда, полетел бы и растаял в этой синеве. Начали возникать разные вопросы о человеке, о мире, о Боге — я задавал их себе, но ответов не знал. Потом начал обращать эти вопросы к Богу: перекрещусь и, как бы с Богом начинаю говорить и спрашивать. Труднее всего было слова находить, вроде бы понимаешь, о чем спросить хочешь, а слов таких нет, чтобы сказать то, что на душе. А как

^[3] Отец Александр Мень. Жизнь, смерть, бессмертие. -<https://books.google.com/books?isbn=5457490483>.

найдешь слова, а все не то: вопрос больше, чем слова вместить в себя могут. Непривычно все это было. Тогда я начал не спрашивать, а только думать о вопросе, а Богу говорил: “Ты знаешь, о чем я хочу спросить, но не умею. Ты все знаешь”. И неожиданно случилось чудо: Бог начал мне отвечать. Это я

мецкая», чужая и ненастоящая? Он не был знаком ни с одним церковным учением, потому что государственная атеистическая система закрывала доступ ко всяким религиозным и духовным источникам. И когда он начал обращаться к духовным вопросам, подчиняясь зову сердца, его мысли не укладывались в готовую колею каких-

Я – протестант! Я протестую против блуждания человеческой души во мраке ложных надежд и самоправедности, в то время, когда людям дан свет Слова Божьего. Я – евангельский христианин! И поэтому я утверждаю жизнь и спасение, основанные на Священном Писании, водительстве и возрождающей силе Духа Святого.

точно знаю, потому что таких ответов я сам никогда бы не смог найти. Если раньше, спрашивая Бога, ответ находил как бы в самом себе, в своем разуме, то теперь ощущение Божьего присутствия не вызывало сомнений. Дальше я только развивал этот диалог, слова начали рождаться, кажется, в самом сердце – так я пробовал молиться. Смущало то, что церковных молитв помнил мало, научиться было негде, но обнаружил, что радостно мне просто разговаривать с Богом своими словами. Радуюсь, и при этом плачу. И только здесь, в церкви, узнал, что это и есть молитва. И когда услышал, что собираются верующие люди, читают Библию, говорят об Иисусе Христе и поют о Боге – я пришел сюда, в евангельскую церковь. И уже здесь нашел ответ на главный вопрос: «Что мне с собой, грешником, делать перед святым Богом?». И ответ был в Евангелии – это Иисус Христос».

Разве возможно убедить брата Василия в том, что его вера не наша, а «не-

либо учений – он их просто не знал. Он был свободен в поиске истины. Просто, слушая свое сердце, обнаружил духовный голод и начал искать Бога, скрытого в творении. Его вера формировалась Богом, ложась на чистый лист его души. И он осознал и принял ее от Господа в родном селе, на рассвете, в конце вспаханного им поля. И с родного неба смотрел на него Бог, а он стыдился, плакал и сокрушался пред Ним, и в то же время радовался Божьему присутствию. И, конечно, этот простой житель Галицкого села не понимал, что с ним происходит. А в сельской общине он узнал, как это все называется, начал читать Библию и служить Богу и ближним.

Я спросил брата Василия, протестант ли он? Он удивился и сказал: «Против чего мне протестовать? Моя вера основана на Евангелии, я – христианин, значит я евангельский христианин. А другой веры я не знаю, даже не думаю, что можно как-то по-другому верить. И если это ты называешь

“протестант”, пусть так и будет, но только я думаю, что это лишнее». Потом подумав, добавил: «Протестовать можно не только против чего-то, но и за что-то. Вот я протестую за Бога против дьявола и всего того, что несет смерть».

Василий видел Бога повсюду. Однажды, показав верующим два цветка, он спросил: «Я их сорвал на обочине дороги, они росли рядом. Но почему у одного цветка пять желтых и круглых лепестков, а у другого — шесть белых с острыми концами?». Отвечали, что это для того, чтобы выделяться среди травы, для привлечения пчёл, чтобы лучше ловить солнечные лучи и тому подобное. Василий удивился мудрствованию и дал простое объяснение: «Для красоты — в ней Бог Себя выражает». Для него красота и гармония природы были отображением вечной красоты неба. Красота мира свидетельствовала ему о Боге, разумном Творце больше, чем сложность мира. Сначала Василия смущало наличие борьбы и жестокости в природе и в мире, но когда он прочитал о грехопадении и его последствиях — все стало на свои места.

Я радовался за Василия, но меня беспокоила простота его суждений, какая-то детская незащищенность. Они были, как всегда, оригинальными но, казалось тогда мне, неглубокими и я старался не поднимать трудных тем в нашем общении. Рано или поздно, перед ним станут трудные вопросы веры, христианской жизни и жизни вообще. Выдержит ли его вера давление греховного мира? Сохранит ли он любовь к Богу, свет разума и мир в душе, или станет притворяться святым, боясь затронуть реальные проблемы и вызовы жизни? Сможет ли он принять в себя тревогу за гбнущий мир и

жить с этим, или примет фарисейство, спасаясь от беспокойства совести? С этими тревожными вопросами, но надеясь на Господа, мы расстались.

Следующая наша встреча состоялась через три года. Брат Василий не потерял своей естественности в суждениях, а в проповеди не принял избитых, общих фраз, которых не понимают неверующие люди и которые мало затрагивают чувства, а тем более, разум самих верующих. И я был несказанно рад, когда в нашем продолжительном разговоре услышал от Василия то, что хотел: «Этого я не знаю, может Бог мне откроет, или это узнаю только в вечности»; «это только мое мнение, так как Библия мало говорит на эту тему». Я слушал суждения зрелого христианина и разумного человека. За время, в которое мы не виделись, он успел познакомиться с трудностями и «тесными вратами» нашего следования за Господом, но узнал и радость, и счастье веры.

Реформация и Украина

◆ Украину в основном обошла стороной Реформация, пробудившая Европу, поэтому сознание и мировоззрение у большинства нашего народа остались в средневековье. Духовное возрождение, достигшее в конце 19 века наших земель, было остановлено революцией и последующим насаждением атеизма. Кульминация средневековья в Украине была особенной — это советский период с его всеильем и авторитетом «пап», с индульгенциями в виде красной книжечки, говорившей о принадлежности к избранному классу, с дремучим невежеством народа в духовных вопросах, которое активно культивировалось государством, с ложными надеждами на светлое буду-

щее, приход которого все время откладывался и отодвигался в неопределенное будущее, с инквизицией, внимательно охранявшей народ от инакомыслия... Сегодня все это стало для страны историей, но тяжелое наследие прошлого мы еще продолжаем нести в себе. Огромная разница между протестантским Западом и непротестантским Востоком, несмотря на глобализацию, видна во всех сферах жизни до сего дня. Так, например, сегодня в России «98% населения отдают предпочтение стабильности, а не возможностям профессионального роста и развития, делая выбор в пользу “безопасной” работы с простыми требованиями и наличием гарантий. Ценности роста (то есть готовность получать новые навыки, брать ответственность и идти на риск) в РФ разделяют лишь 2% населения против 24% в Западной Европе и 32% в США».^[4]

Новое поколение украинцев стоит на распутье без духовных и нравственных ориентиров и ценностей. Потому что главные из них закладываются и передаются отцами, — а им нечего было передать. Это поколение мирного времени с грандиозным духовным и интеллектуальным потенциалом, но не «наставлено в начале пути» (Пс. 22:6). Оно вырастает под влиянием ложных духовных течений и стихийной мудрости жизни. Пренебрегая истинными духовными ценностями, молодежь выбирает то, что «под рукой» — магическое мировоззрение, согласно которому для лучшей жизни нужно менять мир под себя, а не себя самого и свое отношение к миру.

Куда и как нам идти в сложном лабиринте современного мира? Или вопрос нужно ставить иначе: что могу я,

конкретный человек, с моими незначительными возможностями, сделать для себя и для общества, чтобы оно было реальным для исполнения и принесло хотя бы маленькое улучшение и мне, и людям? Независимо от состояния общества, от вектора его развития, каждый человек свободен выбирать и следовать единственно правильному пути, указанному в Библии — личному духовному преобразованию и совершенствованию души, разума и сердца, ища на этом пути света у Бога. Этот путь Библия называет возрождением и освящением. Верность этого пути, несмотря на кажущуюся концентрацию на себе, — в его эффективности как раз для общества. Потому что невозможно совершенствоваться в любви к человеку, не имея его рядом, как невозможно научиться плавать, не войдя в воду. Трудности на этом пути будут свидетельствовать о его истинности. Бог и Его Слово — тот духовный центр, который объединяет народ. Тогда люди, каждый отдельно и все вместе, потянутся к этому центру, при этом и друг к другу с христианской любовью и пониманием — так создается народ с большой буквы. Тогда проявится мудрость при составлении законов, проведении реформ, мудрость во время выборов.

Наш народ долгое время жил и формировался в обществе, которое потеряло небесную правду. Поэтому преобразование должно начинаться с оставления прошлого. А истинное отречение от греховного прошлого начинается с покаяния перед Богом за это прошлое до такой степени, чтобы та жизнь в обмане и компромиссах с совестью, стала омерзительной. Пройдя такое очищение и освобождение, каждый будет с Божиим светом в свободной

^[4] См. статистику по России: <https://mi3ch.livejournal.com/3930199.html>.

душе знать, что делать дальше. Но без этого первого шага не будет следующих шагов.

Впереди много захватывающей работы и открытий. До нас прошли этим путем многие народы и, меняясь сами, они изменяли мир. Мы должны быть мудрыми учениками, чтобы избежать ошибок при создании законов и трансформации общества. Но без радикальных перемен не обойтись — прошлое у страны очень тяжелое: несколько поколений выросших в безбожной атмосфере. Без Божьего света наш внутренний мир заполнен болезненными страхами: быть не хуже других, не проиграть соревнование за благополучие, подсознательное желание советской «уравниловки», чтобы не напрягаться в соревновании с соседом, более амбициозных людей преследует боязнь не успеть реализоваться и не проявить всему миру свою идентичность. Не говоря о массе народа, озабоченного просто выживанием.

Возрождающемуся движению к достойной жизни, будет противостоять искушение обманчивой легкости жизни «как все», жизни в общем, приемлемом всеми, привычном обмане. Поэтому без духовной составляющей, путь реформ будет похож на пути ветра (Екл. 1:6). Народу нужно Божье Слово для ориентации на жизненных перекрестках — здесь непочатый край работы для евангельских церквей.

Нужны перемены сродни Реформации, которые должны охватить духовную область, и как следствие, перейти на интеллектуальную и бытийную — без этого не одолеть нашу пассивность. Но без обращения к Богу за помощью в реформировании общества и собственного духа — не обойтись.

Одним из веских аргументов обратить внимание на европейскую Реформа-

цию является тот, что начали ее выходцы не из нейтральной среды по отношению к христианству (например — из язычества), а представители Римско-Католической церкви, которая доминировала в мире и умах людей и, казалось, никакие силы не поколеблют её. Но Бог избрал именно христиан, причем таких, которые хорошо знали всю богословскую науку о тогдашних представлениях о Боге и спасении, и именно им показал тщету формальной веры. Он пробудил в них желание искать истину, дал смелость бороться за истину и желание делиться найденной истиной с миром.

Когда человек в простоте, смирении и терпении исповедует евангельскую правду в личной жизни, в работе, в управлении государством, следуя принципам, которые ученые называют «протестантской этикой», — добрый результат появится обязательно: Бог не обманывает. Но результат сразу не виден из-за греховного окружения и общей тенденции невозрожденного духа игнорировать духовные вопросы. За результат нужно бороться и сознательно работать на него. Это как при сеянии зерна — нужно дожидаться жатвы. Этот период неизвестности, ожидания, и доверия будущего Богу очень важный, определяющий результат. Но он и пугает людей. Для этого нужен шаг веры и мудрость, а потом приходит за это награда от Господа — добрый урожай, достойный труженика.

У людей, много раз обманутых предыдущей властью и разочарованных сегодняшней, не хватает ни сил, ни терпения, не говоря уже про веру и мудрость. Жизнь в суете и неопределенности порождает психологию потребителя — все и сразу. Такой аппетит и нетерпеливая потребность желудка говорят, к сожалению, об «атрофиро-

вании из-за ненадобности органа, которым веруют» — так выразился герой одного из фильма Тарковского. Хочется надеяться, что у народа появилась оскома от кормления «свиньи рожками» и он не наступит очередной раз на «грабли». Поэтому мы согласны с Михаилом Черенковым, что в глобальном масштабе «для украинцев Реформация — это то, что еще должно произойти, что должно сформировать и реформировать украинскую нацию как христианскую и европейскую. Вот почему, смотря на европейское прошлое, на событие Реформации с уважением и интересом, мы видим свою Реформацию впереди — как задачу, призыв и возможность»^[5].

Инфантильное сознание не есть национальное сознание украинского народа или нации. Это сознание лютого обезбоженного народа. Если человек не пережил личной встречи с Богом, — а это является базовым в богословии протестантов, — его внутренний мир остается без изменений. В глубине он наполнен древними языческими страхами, предрассудками и суевериями. А голод погибающей души и бестолковая жизнь, будут восприниматься искривленным сознанием, как козни заокеанских недоброжелателей или недругов-соседей. Человек, не обретший Бога — теряет самоуважение, он понимает, что в нем самом нечего уважать. Остается надежда на доброго царя, барина, президента...

В протестантской культуре, человека не наделяют божественными каче-

ствами. Религиозное сознание не позволяет это делать: над всеми Бог, а люди под Богом ходят. Но если удалить Бога из реальной жизни в храм, и быть к Нему только «захожанином», то в центре души прочно осядет человек-благодетель. Вырастает бесхребетное поколение, где пассивность и покорность становится нормой, а поддержка этих благодетелей — абсолютная. Ведь они в головах и сердцах народа, как икона в углу дома.

В год 500-летия Реформации отмечается юбилей еще одного печально памятного события — сто лет Октябрьской революции в России. Когда праздновали пятидесятилетнюю годовщину революции в 1967 году, тогда особо верующие в коммунистическое грядущее, подали моду замуровывать в стены капсулы с письмами к потомкам, которые нужно было открыть и прочитать в далеком 2017 году. Их действительно открыли и прочитали^[6]. Сегодня множество этих писем, написанных наивными людьми, возомнившими построить счастливую жизнь без Бога, стали наглядным свидетельством краха человеческой самонадеянности и подтверждением слов Библии: «Если не Господь строит дом, то напрасно трудятся его строители...» Пс. 126:1. Какие уроки преподает Бог! И какие мы плохие ученики!

Верить и желать лучшего будущего не грех. Но верить в доброе будущее, построенное на идеологии, которая отрицает Бога — вершина человеческой наивности. Вот одно краткое письмо из многих: *«Мы встречаем 50-летнюю годовщину Великого Октября. Вам встречать 100-летний год Советской Власти. Завидуем вам, комсомольцам 2017 года. Вы ведь будете встречать 100-летний юбилей Родины при свете ярких огней Комму-*

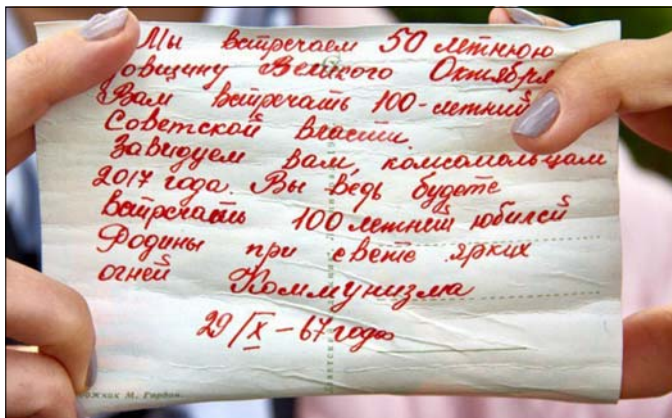
^[5] М. Черенков. Реформация і ми. Благовісник. №2, 2017. С. 3.

^[6] В Киеве на заводе «Арсенал» вскрыли 50-летнюю капсулу времени. См.: <https://kiev.segodnya.ua/kreople/v-kieve-na-zavode-arsenal-vskryli-50-letnyuyu-kapsulu-vremeni-1070505.html>

низма. 29/X – 1967 года»^[7]. Кажется, что написано искреннее. Эти письма звучат как пророчество, даже выше пророчества – никаких условий не требуется: искренность и убежденность в написанном не оставляют места сомнению, что так оно и будет, как представляется. Уверенность такая, что у авторов появляется чувство зависти к счастливым потомкам. А стыдятся ли написанного эти потомки сегодня? Кажется – нет. Более того, даже сами хотят отправить послание потомкам «чтоб Родину защищали».^[8] Знают ли они Божьи заповеди и обетования, указывающие истинный путь к духовному и материальному благополучию? Хотя бы такое: «Если смирится народ Мой, который именуется именем Моим, и будут молиться, и взыщут лица Моего, и обратятся от худых путей своих, то Я услышу с неба и прошу грехи их и исцелю землю их» (Пар. 7:14).

До сих пор не затихают дискуссии о значении для нынешнего времени события Реформации пятисотлетней давности. Произошла она по воле Божией, и из этого нужно исходить, оценивая ее возникновение, проявления и влияние. Произошло радикальное Божие вмешательство в наш мир ради спасения человечества от сползания за «точку невозврата». Бог, через реформаторов возвратил Слово

^[7] Обращение комсомольцев от 29/X 1967 г. комсомольцам в 2017 г., которые через полвека должны были отметить 100-летие Октябрьской революции. В обращении к потомкам комсомольцы 1960-х написали клятвы во имя отчизны и партии, размышления о патриотизме, строительстве светлого буду-

Письмо от школьников 1967 года комсомольцам в 2017 год.

Божие к его евангельской форме, очистил от человеческих представлений и наслоений, и оно снова предстало в своей неотразимой красоте и готовности ответить каждому ищущему и жаждущему правды. Это событие всемирного значения дало новую возможность народам и каждому персонально строить свою веру и жизнь на первоначальной простоте и святости Слова и проповеди. Самая главная ценность Реформации в том, что она поставила в центр духовной жизни человека Слово, как Божий дар – единственное средство для спасения и главный критерий истины. В основу спасения человека было поставлено Слово, данное ему, как откровение от Бога. Это подвиг реформаторов – доверять и основывать свое спасение на откровении Божьего Слова, которое должно быть принято личной верой.

Реформация породила протестантизм, но давно вышла из этого измерения. Сегодня много пишут о Реформации, анализируют и оценивают ее влияние

шего. К письму приложили список 60 имен участников. См.: «Завидуем вам». Аннинцы нашли послание в бутылке из 1967 года. — <https://riavr.ru/districts/anninsky/-zaviduem-vam-annintsy-nashli-poslanie-v-butylke-iz-1967-goda>

^[8] Там же.

на состояние современного христианства. «Юбилей лютеровской Реформации не принес исцеления старым ранам. Католики и православные так и не поняли, почему они должны радоваться этому празднику вместе с протестантами. Но и сами протестанты разделились в своем отношении к событиям тех давних лет, да и к самой идее Реформации» — пишет Михаил Черенков («Реформация без Евангелия»). Он предупреждает от присвоения заслуг Реформации отдельными церквями, от увлечения прошлым в ущерб динамике и реалиям сегодняшнего дня: «В этот юбилейный год Реформации нам пора освободиться от идолов, в том числе от идолов... Реформации. Soli Deo Gloria!»^[9]. Внушает надежду тот факт, что в Украине возникла в разных конфессиях целая плеяда молодых образованных богословов, которые ищут пути приобщения народа к духовности. Во всяком случае, Реформация, как идея обновления, может стать сегодня для Украины объединяющей идеей в самой трудной области: конфессионального разделения народа.

«Реформация не ограничивается протестантизмом. Реформация — как призыв к церковному обновлению и исправлению жизни в соответствии с верой — в той или иной форме присуща каждой конфессии, это призыв общехристианский. Поэтому христианские конфессии в Украине, разделенные на традиции и политические взгляды, могут сблизиться в совместной Реформации»^[10].

Возможно, когда отпразднуют юбилей Реформации, в богословии появится

учение о непрерывности реформации (Ecclesia semper reformanda — постоянно реформирующаяся церковь) как для отдельного человека, так и для Церкви. К сожалению, извечна тенденция человека «улучшать» Божьи слова по своему сердцу, измеряя «святость» своими мерками, а не единственной библейской — святой жизнью. Поэтому в реформировании церковной жизни, приведении ее к библейским основам, будет нуждаться каждое поколение. Этому учит история, прослеживая на протяжении веков подмену истины человеческими представлениями. Но также всегда были реформаторы от Бога, возвращавшие народ к истокам. «О, человек! сказано тебе, что — добро и чего требует от тебя Господь: действовать справедливо, любить дела милосердия и смиренномудренно ходить пред Богом твоим» (Мих. 6:8). Пророк Михей тоже сталкивался с этой вечной проблемой человеческой «забывчивости» Божией истины и сползания на широкий путь самоправедности.

Реформация совершилась, а дальше каждый предоставлен Слову, Духу Святому и своей совести. Это означает абсолютное доверие преобразующей силе Бога, готовность переосмысливать духовную жизнь, каяться и исправляться. 500 лет Реформации — это не чуждая для нас древняя история, как это хотел бы кто-то представить. Она для всех, она и для Украины. Сегодняшние конфликты и войны, это не просто борьба за ресурсы, территории или рабов — мир уже это перерос. Прежде всего, это глобальная битва за души людей. Какой мир мы оставим после себя? Какое будущее мы приготовим нашим детям? Это зависит от того, какую позицию мы займем сегодня — народ, Церковь и каждый из нас.

^[9] М. Черенков. Реформація і ми. Благовісник. №2, 2017. С. 3.

^[10] Там же.